

Тематические сообщения

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-12-27

Качественные методы в изучении культурной детерминации совладания: проблемы и перспективы

Дмитрий А. Хорошилов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, d.khoroshilov@gmail.com*

Елена П. Белинская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, elena_belinskaya@list.ru*

Валерия В. Лянгузова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, v.v.lyanguzova@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена основным методологическим проблемам качественных исследований в психологии культуры. Методы этнографического (полевого) наблюдения были заимствованы психологией у социальных и культурных антропологов в первой половине XX столетия, а в современных исследовательских практиках выделяется особое этнографическое направление, претендующее на анализ поведения и стиля жизни в различных субкультурах и сообществах. По дисциплинарной структуре, предложенной Т.Г. Стефаненко, этнопсихология включает в себя следующие направления: психологическая антропология, кросс-культурная, культуральная, индигенная психология. Качественные методы скорее характерны для культуральной и индигенной психологии, а количественные и смешанные методы – для кросс-культурных исследований. На примере исследования культурной детерминации копинга обсуждаются перспективы качественного подхода в этнопсихологии. Результаты тематического анализа нарративов и свободных по форме интервью респондентов из Москвы и Ташкента позволяют сформулировать вывод о том, что ключевое кросс-культурное различие в совладающем поведении заключается в степени его индивидуализации: представители узбекской культуры ориенти-

рованы на получение поддержки и заботы со стороны значимых Других, а не на самостоятельную внутреннюю работу (в отличие от российских респондентов). При этом их не удовлетворяют традиционные предписания, которые исходят от семейного окружения, что заставляет их «изобретать» практики копинга, выходящие за границы нормативных социальных (часто религиозных) представлений. Сказанное можно интерпретировать как процесс модернизации узбекской культуры, которая постепенно становится индивидуалистической, и последнее обстоятельство требует конструирования гибких копинг-стратегий в ситуации социальных и культурных изменений.

Ключевые слова: качественные методы, этнопсихология, культура, копинг

Для цитирования: Хорошилов Д.А., Белинская Е.П., Лянгузова В.В. Качественные методы в изучении культурной детерминации совладания: проблемы и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 1. С. 12–27. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-12-27

Qualitative methods in the study of cultural determination of coping: problems and prospects

Dmitry A. Khoroshilov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, d.khoroshilov@gmail.com*

Elena P. Belinskaya

*Lomonosov Moscow State University,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, elena_belinskaya@list.ru*

Valeriia V. Lianguzova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, v.v.lianguzova@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the main methodological problems of qualitative research in the psychology of culture. Methods of ethnographic (field) observation were borrowed by psychology from social and cultural anthropologists in the first half of the twentieth century, and in modern research practices there is a special ethnographic direction that claims to analyze behavior and lifestyle in various subcultures and communities. According to the disciplinary structure proposed by T.G. Stefanenko, ethnopscychology includes the

following areas: psychological anthropology, cross-cultural, cultural, and indigenous psychology. Qualitative methods are more typical for cultural and indigenous psychology, while quantitative and mixed methods are more typical for cross-cultural research. The prospects of a qualitative approach in ethnopsychology are discussed in the example of the study of the cultural determination of coping. The results of thematic analysis of narratives and free-form interviews of respondents from Moscow and Tashkent allow us to conclude that the key cross-cultural difference in coping behavior is the degree of its individualization: representatives of Uzbek culture are focused on receiving support and care from significant Others, and not on independent internal work (unlike Russian respondents). At the same time, they are not satisfied with the traditional prescriptions that come from the family environment, which forces them to “invent” coping practices that go beyond the boundaries of normative social (often religious) ideas. This can be interpreted from the point of view of the process of modernization of Uzbek culture, which is gradually becoming individualistic, and the latter circumstance requires the construction of flexible coping strategies in the situation of social and cultural changes.

Keywords: qualitative methods, ethnopsychology, culture, coping

For citation: Khoroshilov, D.A., Belinskaya, E.P. and Lianguzova, V.V. (2021), “Qualitative methods in the study of cultural determination of coping: problems and prospects”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 12–27, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-1-12-27

Качественная методология в психологических исследованиях культуры

Не будет преувеличением сказать, что уходящее десятилетие для отечественной психологии ознаменовалось развитием качественной методологии, которая заняла прочные позиции в современных исследованиях [Бусыгина 2019; Мельникова, Хорошилов 2020]. Качественные методы стали незаменимым инструментом анализа личности и общества в актуальной эпистемологической ситуации, чьими главными характеристиками считаются повышенный уровень сложности, неопределенность и транзитивность. Но парадоксальным образом качественные методы в психологических исследованиях культуры применяются в меньшей степени несмотря на то, что они изначально были заимствованы социальными и гуманитарными науками именно из культурной антропологии и этнографии – влиятельных интеллектуальных предшественников этнопсихологии. В истории советской и российской психологии

одно из первых упоминаний качественного анализа относится к исследованию этнокультурной детерминации познавательных процессов, проведенное в Узбекистане под руководством А.Р. Лурии с опорой на гипотезы Л.С. Выготского [Лурия 1974].

Качественная методология и методы исследований в психологии тесно связаны с этнографией и антропологией, в рамках которых они развивались как методы включенного (полевого) наблюдения за чужими («не западными») культурами [Вульф 2008]. Этнография представляет собой деятельность антрополога по описанию народа, т.е. то, что антрополог делает, когда он находится в «полевых» условиях, и то, что он делает, когда на основании полевых материалов создает формальное описание народа или группы людей [Елфимов 2012]. В качественных исследованиях выделяется этнографическое направление, изучающее символы и значения, разделяемые сообществами и субкультурами и организующие их активность, при этом наблюдение ведется в привычном жизненном окружении людей, часто на протяжении длительного промежутка времени.

Отдельные методики полевой работы используются в практических исследованиях, однако для психологии этнографический подход остается все еще непривычным [Griffin, Bengry-Howell 2017]. К удачным примерам этнографических исследований в социальной психологии можно отнести лонгитюдное включенное наблюдение Л. Фестингера за сектой, ожидающей конца света [Фестингер 2000], и эксперимент Д. Розенхана в психиатрической клинике с «подставными» пациентами, который поставил под сомнение конвенционально принятые критерии нормы и патологии личности [Холмогорова 2013]. Сегодня этнография и неэтнография (включенное наблюдение за виртуальными сообществами) используются в психологии повседневности для исследования латентных изменений общества и культуры [Гусельцева, Нестик 2018], как, например, в проведенном нами анализе феномена расцвета архаических магических практик в мегаполисе: идентичностей ясновидящих, гадалок и их клиентов, жизненного мира эзотерических центров, онлайн форумов и чатов [Хорошилов, Машков 2018]. Этнографический метод позволил раскрыть нетривиальные и маргинальные способы *копинга* с трудными жизненными ситуациями, табуированными и вынесенными за пределы публичного дискурса.

Назовем важнейшие идеи, понятия и принципы, которые перешли из классической этнографии и антропологии (как ранней формы психологического исследования культуры) в современные качественные методы.

*Правила этнографической работы
в качественных исследованиях*

В антропологических парадигмах (психологи лучше всего знакомы с классическими работами школы «Культура и личность» М. Мид и Р. Бенедикт) обнаруживается множество качественных исследований этнографического жанра. По словам Б. Малиновского, одного из основателей британской антропологической традиции, основная цель этнографического наблюдения – это «осмысление мировоззрения туземца, отношения аборигена к жизни, понимание *его* взглядов на *его* мир» [Малиновский 2004, с. 42]. Правда, посмертная публикация его дневников и полевых записей вызвала скандал в академическом мире: Малиновский не утруждал себя соблюдением тех принципов организации полевых исследований, которые он сам же провозгласил (и которые составили славу «золотого века» качественных исследований в антропологии и этнографии XX столетия).

Хотя в современной качественной методологии, разумеется, речь не идет о туземцах и аборигенах, основополагающие принципы этнографической работы, касающиеся правил установления контакта с респондентами, понимания локальных практик и представлений в контексте повседневной жизни, выяснения внутренних связей в системах коммуникации и взаимодействия (принцип холизма), а также проверки соответствия используемых научных понятий конкретным данным и словам (проблема перевода) [Эриксен 2014], задают по сей день нормативы валидности и надежности сбора и анализа качественных данных.

*«Насыщенные описания»
как стратегия репрезентация контекста*

В интерпретативной антропологии, чьи сторонники отказались от претензии на реализм этнографических описаний культуры и обратились к изучению ее конструкций и значений, был поставлен критический вопрос о том, как «антрополог строит интерпретации данных, являющихся результатом истолкования информантами их переживаний и отношений с окружением» [Орлова 2010, с. 533]. Согласно К. Гирцу, интерпретация – это всегда вторичная интерпретация социокультурной реальности, которая конструируется и интерпретируется людьми в повседневном общении. Насыщенные, или плотные, описания (*thick descriptions*) призваны представить жизненный контекст носителя иной культуры для постороннего читателя, кто, в отличие от антрополога, «не был в поле» [Гирц 2006], а задачей этнографии становится, следовательно, адекватная репрезентация и трансляция субъективного опыта Другого, не искаженная установками и комментариями ученого.

Дихотомия «etic» и «emic» подходов

Лингвистическое разделение фонетики (учения об универсальных свойствах звука) и фонемике (учения о способах произнесения звука в словах и языках), предложенное в свое время К. Пайком, было спроецировано на исследования общества и культуры. «Во всех гуманитарных науках *emic* стали называть культурноспецифичный подход, стремящийся понять явления, а *etic* – универсалистский подход, объясняющий изучаемые явления» [Стефаненко 2014, с. 26]. Фактически речь шла о переосмыслении понимания и объяснения в научном познании (дихотомии, восходящей еще к полемике В. Дильтея и Г. Эббингауза). Считается, что качественные исследования в этнографии и антропологии реализуют *emic* подход, но в реальной практике уместнее говорить о комплементарности двух названных позиций: описание и объяснение всегда опосредствуется теоретическими конструкциями и интерпретациями, делающими возможные дальнейшие обобщения.

Таким образом, *методология качественных исследований* заимствовала важнейшие принципы из антропологии и этнографии, однако собственно качественные *методы сбора и анализа полевых данных* в современной этнопсихологии отошли на второй план. Сфера психологических исследований культуры в отечественной науке, как хорошо известно, по традиции именуется этнопсихологией, отсылая внимательного читателя к работе Г. Шпета, который считал основной задачей этой дисциплины описание коллективных переживаний, а одним из главных методов – герменевтический анализ переживания [Шпет 1989]. Т.Г. Стефаненко включает в дисциплинарный состав этнопсихологии такие направления западной науки, как психологическая антропология, кросс-культурная (cross-cultural), культуральная (cultural) и индигенная (indigenous) психологии [Стефаненко 2014].

Качественные методы обычно используются в рамках культуральной и индигенной психологии [Ratner 1997; Swartz, Rohleder 2017], в то время как сторонники классических кросс-культурных исследований отдают свое предпочтение количественным и смешанным подходам. Методологический выбор определяется эпистемологическими установками этих направлений: если культуральная и индигенная психологии раскрывают модели личности, специфичные для конкретной культуры, то кросс-культурная психология ориентирована на сравнительный анализ различных культур по заданным контекстуальным параметрам, будь то измерения культур (Г. Хофстеде), ценностные ориентации

(Р. Инглхарт) или социальные аксиомы (М. Бонд, К. Леунг). В российской этнопсихологии ученые преимущественно работают со смешанными методами [Стефаненко 2013; Татарко, Лебедева 2011], при этом допускается использование проективных методик и техник, как, например, в исследовании актуального этнопсихологического статуса личности и этнической толерантности с опорой на модифицированный рисуночный тест С. Розенцвейга, цветовой тест отношений, а также рисунок несуществующего животного [Шлягина, Ениколопов 2011]. Приходится признать, что качественные методы в отечественной этнопсихологии ожидают своих последователей. Схожее положение дел наблюдается и в области изучения копинга.

Методологические подходы к исследованию копинга

В психологических исследованиях совладающего поведения намечается поворот от изучения устойчивых личностных диспозиций к рассмотрению динамического взаимодействия личности и жизненной ситуации, в которой волею судеб она оказывается. Проблема взаимодействия личности и ситуации восходит к классическим идеям К. Левина и является на сегодняшний день, пожалуй, одним из наиболее востребованных подходов как в психологии личности, так и в социальной психологии [Гришина 2018]. Предполагается, что в контексте изучения совладания может использоваться аналогичная модель, где совладающее поведение рассматривается как функция от субъективной интерпретации ситуации и модифицируется ее реальными требованиями. Различные когнитивные, мотивационные и эмоциональные факторы, определяющие совладающее поведение, могут быть соотнесены с категоризацией человеком психологического значения ситуации.

Теоретический и эмпирический анализ проблемы копинга с позиций ситуационного подхода требует учета множества контекстуальных переменных, решающее значение среди которых придается культурному окружению человека [Крюкова, Гуцина 2015]. Отдельное направление связано с исследованием совладающего поведения в традиционных культурах как функции от ритуалов перехода и инициации, что является дисциплинарным достоянием антропологии и этнографии [Байбурин 1993]. Основная сложность ситуационного подхода заключается в том, что имеющиеся в распоряжении психологов инструменты не способны зафиксировать динамическое изменение отношений личность – ситуация. Анализ стратегий совладания с динамичными и случайно-моментальными социокультурными изменениями нашего времени является доказательством сказанного.

В психологии для исследования культурной детерминации совладающего поведения используются количественные методы; соответствующие инструменты четко разработаны и валидизированы, а полученные по всему миру богатые эмпирические данные нуждаются в метанализе и междисциплинарной интерпретации [Белинская 2009; Carver, Connor-Smith 2010]. В последние годы для изучения трудных жизненных ситуаций стали прибегать к проективным методикам и техникам (рисуночным), в совокупности с методами качественного контент-анализа самоотчетов респондентов [Битюцкая, Карцева 2013]. Следуя разделению двух методологических подходов, а именно – «q-маленького» и «Q-большого» [Willig, 2013], можно сказать, что в актуальных исследованиях копинга как культурно-психологического феномена применяются отдельные качественные методики с последующей математической и статистической обработкой результатов, оставляя за пределами внимания современные методы качественного анализа и интерпретации изображений, текстов как самостоятельную и независимую стратегию работы с эмпирическими данными.

Качественное исследование культурной детерминации копинга

Мы взяли на себя смелость исправить представленное положение дел в исследованиях культуры и копинга и провели небольшое исследование, чья цель заключалась в изучении социокультурной специфики трудных жизненных ситуаций и стратегий совладания с ними в России и Узбекистане. В качестве эмпирического материала использовались нарративы, где респонденты (студенты вузов Ташкента и Москвы в возрасте от 18 до 21 года) делились опытом проживания субъективно трудных жизненных ситуаций, после чего обсуждали его в неструктурированных интервью. Уже на этапе сбора данных стало очевидно, что респонденты из Ташкента более откровенны в описании личных и иной раз весьма болезненных переживаний, нежели респонденты из Москвы. Все материалы анализировались с помощью метода тематического анализа, и мы позволим себе опустить детальное описание процедуры и многочисленных промежуточных этапов работы [Бусыгина 2019; Мельникова, Хорошилов 2020; Willig 2013].

Тематический анализ мини-нарративов позволяет обнаружить общность восприятия респондентами из Москвы и Ташкента проблемных или трудных ситуаций, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни. К таковым относятся, в первую очередь, болезнь и смерть близких, межличностные конфликты, принятие меняющих жизнь решений, трудности с

учебой. Несмотря на то, что перечисленные темы инвариантны для двух целевых выборок, в их интерпретации намечается кросс-культурное различие, которое касается степени индивидуализации стратегий копинга и динамики отношений Я – Другой в конфликтных ситуациях межличностного общения. В этом отношении показателен опыт наших респондентов из Ташкента.

Подлинным драматизмом отличаются нарративы о переживании утраты ближайших родственников (чаще всего упоминается смерть бабушки как старейшины семьи или смерть родителя противоположного пола). Респонденты прибегают к стратегии индивидуализации постигшей их утраты с известным сопротивлением, они в большей степени ориентированы на поддержку значимого Другого, нежели на самостоятельную внутреннюю «проработку» травматического опыта. Психологическая работа переживания горя и меланхолии проецируется на авторитетные фигуры родителей, которые, вопреки исходным ожиданиям, ограничиваются формальными традиционными предписаниями, что отражено в следующем отрывке: *«Несколько лет назад, когда я потеряла бабушку, я не могла перестать плакать, все время думаю о том, что не успела сделать с ним. Он часто повторял дату своей возможной смерти, и я потом винила себя, что не верила его словам. Это была просто буря отчаяния. Мама сказала: от того, что я плачу, ему не легче, мои слезы согласно исламу удерживают его в этом мире. Я решила ухаживать за его могилой и молиться за него. Собрала в виде фотоальбома все моменты, когда мы были вместе. Поблагодарила его за ту любовь ко мне, которую так и не смогла ему возполнить, но просто не успела».*

Вторая тема с характерным повышенным эмоциональным звучанием в нарративах наших респондентов из Ташкента – острые межличностные конфликты, в которых нередко нарушаются личные и межгрупповые границы между представителями разных поколений, семейных кланов и социальных классов. Наиболее распространенный сюжет, конечно же, связан со вмешательством родителей в романтические отношения (*«Мои родители читали мою переписку с моим парнем без моего ведома»; «Я любила молодого человека, и он отвечал взаимностью, пока не состоялось знакомство с его матерью, которая отвергла меня из-за финансов моей семьи и моей внешности, и он отказался от меня»*). Родители участвуют и в дружеских конфликтах своих детей (*«Предательство подруги: она подставила меня, сама общалась с парнями в социальных сетях, а своей маме сказала, будто это я – невоспитанная. Мои иллюзии о нашей дружбе рассыпались»*). Друг может замещаться животным, что только увеличивает эмоциональную напряженность столкновения

с его потерей («У меня была собака, родители отдали ее без моего ведома через 3 года жизни. Была такая обида и пустота, я сидела в комнате три дня, ни с кем не разговаривала, смотрела фильмы о собаках и плакала еще больше»). Тема взаимоотношений с родителями предстает в этих нарративах как отношения преимущественно с родителем своего пола, который выступает и как источник нормативных предписаний относительно моделей социального поведения, и как объект негативных чувств (обиды, злости).

Ничего подобного не обнаруживалось в нарративах респондентов из Москвы: у них различные сферы жизни и отношений достаточно четко дифференцированы, а конфликты с близкими людьми либо разрешались самостоятельно и при этом более или менее конструктивно, либо пускались на «самотек», забывались и вытеснялись. Иными словами, они демонстрировали разносторонний и пластичный репертуар копинг-стратегий в различных ситуациях, в большей степени ориентированный на рефлексию и анализ, нежели на погружение в длительные переживания по поводу возникших трудностей.

Две обозначенные темы связаны друг с другом: реальная утрата значимого Другого становится символическим указанием, так сказать, на дефицит культурно-психологических ресурсов самостоятельного совладания с трудными ситуациями, касающимися – в первую очередь – запутанных межличностных (и межпоколенческих) отношений. Ввиду данного обстоятельства респондентам из Ташкента приходится «изобретать» стратегии копинга в повседневной жизни (ибо надежды на поддержку и заботу семейного круга разбиваются о традиционные социальные предписания его членов). Несколько иллюстраций: «Никто не знал причин, я читала, слушала музыку», «Я горевала, смотрела сериалы и пила снотворное», «Говорила себе мысленно: я – психолог, и могу сделать так, чтобы все было хорошо». Характерно, что указания на последовательное проговаривание для самих себя избранных способов совладания с трудностями (вне зависимости от сферы жизни, где они возникли) встречаются только в ташкентской выборке.

В самом общем виде эти переживания можно интерпретировать как индивидуально-психологическое отражение более широкого процесса модернизации узбекской культуры и постепенной трансформации ее коллективистских установок в индивидуалистические. По мнению К. Гирца, современность «превращает традиционную форму жизни, устойчивую и замкнутую, в рискованную форму жизни, адаптирующуюся и постоянно меняющуюся. Именно в таком виде, как модернизация, она вошла в социальные науки» [Гирц 2020, с. 203]. Существенное расширение

спектра трудных ситуаций в изменяющемся обществе (и совпадающих с теми, что перечислялись респондентами из Москвы!) требует как принятия индивидуальной ответственности за их продуктивное решение, так и формирования гибкого репертуара копинг-стратегий, отвечающих индивидуалистической, а не уходящей в прошлое традиционной коллективистской культуре.

Выводы

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование является демонстрацией эвристичности качественного подхода к анализу культурной обусловленности совладания. Данный подход позволяет не только понять индивидуальные стратегии восприятия, категоризации и аффективного оценивания трудных жизненных ситуаций, но дает возможность интерпретировать их в более широком эпистемологическом контексте процессов модернизации культуры, когда назревший кризис традиционных представлений и верований обнажает необходимость «изобретения» новых «внутренних» ресурсов копинга – не коллективным, а именно индивидуальным субъектом, иными словами, не сообществом, а отдельным индивидом, и на него возлагается максимальная ответственность за самостоятельное решение собственных проблем (которые, возможно, культурно и экзистенциально инвариантны). Проведенный анализ копинга открывает путь для возвращения качественных методов в отечественные исследования этнопсихологии, чьи истоки лежат в работах Г.Г. Шпета, Л.С. Выготского и А.Р. Лурии.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 19-013-00612 «Кросс-культурный анализ личностных и ситуационных детерминант совладания с трудными жизненными ситуациями».

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-013-00612, “Cross-cultural analysis of personal and situational determinants of coping with difficult life situations”.

Литература

Байбурин 1993 – *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.

Белинская 2009 – *Белинская Е.П.* Совладание как социально-психоло-

гическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 9 дек. 2020).

Битюцкая, Карцева 2013 – *Битюцкая Е.В., Карцева Е.В.* Рисуночная методика «Моя трудная жизненная ситуация» как инструмент диагностики восприятия трудной ситуации // Журнал практического психолога. 2013. № 4. С. 102–132.

Бусыгина 2019 – *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2019.

Вульф 2008 – *Вульф К.* Антропология: история, культура, философия. СПб.: СПбГУ, 2008.

Гирц 2006 – *Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры: Интерпретации культуры. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 171–200.

Гирц 2020 – *Гирц К.* Постфактум: две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М.: НЛО, 2020.

Гришина 2018 – *Гришина Н.В.* Введение в экзистенциальную психологию. СПб.: СПбГУ, 2018.

Гусельцева, Нестик 2018 – *Гусельцева М.С., Нестик Т.А.* Интервью с М.С. Гусельцевой о будущем психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. № 4. С. 218–247.

Елфимов 2012 – *Елфимов А.Л.* Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Под ред. А.Л. Елфимова. М.: НЛО, 2012. С. 5–18.

Крюкова, Гуцина 2015 – *Крюкова Т.Л., Гуцина Т.В.* Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; КГТУ, 2015.

Лурия 1974 – *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов: экспериментально-психологическое исследование. М.: Наука, 1974.

Малиновский 2004 – *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004.

Мельникова, Хорошилов 2020 – *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020.

Орлова 2010 – *Орлова Э.А.* История антропологических учений. М.: Академический проект, Альма Матер, 2010.

Стефаненко 2013 – *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2013.

Стефаненко 2014 – *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014.

Татарко, Лебедева 2011 – *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: ВШЭ, 2011.

Фестингер 2000 – *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Речь, 2000.

Холмогорова 2013 – *Холмогорова А.Б.* Клиническая психология: общая патопсихология. М.: Академия, 2013.

Хорошилов, Машков 2018 – *Хорошилов Д.А., Машков Д.С.* Психология повседневности как оптика анализа социальных изменений // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 166–180.

Шлягина, Ениколопов 2011 – *Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н.* Исследования этнической толерантности личности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 80–89.

Шпет 1989 – *Шпет Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989.

Эриксен 2014 – *Эриксен Т.Х.* Что такое антропология? М.: ВШЭ, 2014.

Carver, Connor-Smith 2010 – *Carver C.S., Connor-Smith J.* Personality and coping // *Annual Review of Psychology*. 2010. Vol. 61. P. 679–704.

Griffin, Bengry-Howell 2017 – *Griffin C., Bengry-Howell A.* Ethnography // *The Sage handbook of qualitative research in psychology* / Ed. by C. Willig, W. StaintonRogers. L.: Sage, 2017. P. 38–54.

Ratner 1997 – *Ratner C.* Cultural psychology and qualitative methodology: theoretical and empirical considerations. New York: Plenum, 1997.

Swartz, Rohleder 2017 – *Swartz L., Rohleder P.* Cultural Psychology // *The Sage handbook of qualitative research in psychology* / Ed. by C. Willig, W. StaintonRogers. L.: Sage, 2017. P. 561–571.

Willig 2013 – *Willig C.* Introducing qualitative research in psychology. Maidenhead: Open University Press, 2013.

References

Baiburin, A.K. (1993), *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochno slavyanskikh obryadov* [Rite in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of the East Slavic Rites], Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Belinskaya, E.P. (2009), “Coping as social-cultural problem”, *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Electronic], no. 1 (3), available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 9 Dec 2020).

Bitvutskaya, E.V. and Kartseva, E.V. (2013). “My difficult life situation” drawing technique as a diagnostic tool of perception of a difficult situation”, *Journal of Practical Psychologist*, no. 4, pp. 102–132.

- Busygina, N.P. (2019), *Kachestvennyye i kolichestvennyye metody issledovaniy v psixologii* [Qualitative and quantitative research methods in psychology], Jurajt, Moscow, Russia, 423 p.
- Carver, C.S. and Connor-Smith, J. (2010), "Personality and coping", *Annual Review of Psychology*, vol. 61, pp. 679–704.
- Geertz, C. (2006), "*Nasyshhenoe opisanie*": *v poiskah interpretativnoj teorii kul'tury* [Thick descriptions toward an interpretive theory of culture], SPbGU, Saint Petersburg, Russia, pp. 171–200.
- Geertz, C. (2020), *Postfaktum: dve strany, chetyre desjatiletija, odin antropolog* [After the Fact: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist], NLO, Moscow, Russia.
- Griffin, C. and Bengry-Howell, A. (2017), "Ethnography", in Willig, C. and Stainton-Rogers, W. (ed.), *The Sage handbook of qualitative research in psychology*, Sage, London, UK, pp. 38–54.
- Grishina, N.V. (2018), *Vvedenie v jekzistencial'nuju psixologiju* [Introduction to Existential Psychology], SPbGU, Saint-Petersburg, Russia.
- Guseltseva, M.S. and Nestik, T.A. (2018), "The interview with M.S. Guseltseva about future of psychology", *Social and economics psychology*, no. 4, pp. 218–247.
- Elfimov, A.L. (2012), "Anthropology in different dimensions: the compiler's foreword", in Elfimov, A.L. (ed.), *Antropologicheskie tradicii: stili, stereotipy, paradigm* [Anthropological traditions: styles, stereotypes, paradigms], NLO, Moscow, Russia, pp. 5–18.
- Eriksen, T.H. (2014), *Chto takoe antropologija?* [What is anthropology?], HSE, Moscow, Russia.
- Festinger, L. (2000), *Teorija kognitivnogo dissonansa* [A theory of cognitive dissonance], Izdatel'stvo Rech', Saint-Petersburg, Russia.
- Kholmogorova, A.B. (2013), *Klinicheskaja psixologija: obshhaja patopsihologija* [Clinical psychology: general psychopathology], Academiya, Moscow, Russia.
- Khoroshilov, D.A. and Mashkov, D.S. (2018), "The psychology of everyday life as an optics of the analysis of social changes", in Asmolov, A. (ed.), *Mobilis in mobili: lichnost' v jepohu peremen* [Mobilis in mobili: personality in the era of change], YASK Publishing House, Moscow, Russia, 546 p.
- Kryukova, T.L. and Gushchina, T.V. (2015), *Kul'tura, stress i koping: sotsiokul'turnaya kontekstualizatsiya issledovaniy sovladayushchego povedeniya* [Culture, stress, and coping: Socio-cultural contextualization of coping studies], Kostroma State University Publ., Kostroma, Russia, 236 p.
- Luria, A.R. (1974), *Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nyh processov* [On the historical development of cognitive processes], Nauka, Moscow, Russia.

Malinowski, B. (2004), *Izbrannoe: Argonavty zapadnoj chasti Tihogo okeana* [Selected works: the argonauts of the Western Pacific], ROSSPAN, Moscow, Russia.

Mel'nikova, O.T. and Khoroshilov, D.A. (2020), *Metodologicheskie problemi kachestvennyh issledovanij v psihologii* [Methodological problems of qualitative research in psychology]. Akropol, Moscow, Russia.

Orlova, E.A. (2010), *Istoriya antropologicheskikh uchenii* [History of anthropological theories], Akademicheskii proekt, Al'ma Mater, Moscow, Russia.

Ratner, C. (1997), *Cultural psychology and qualitative methodology: theoretical and empirical considerations*, Plenum, New York, USA.

Stefanenko, T.G. (2013), *Etnopsikhologiya: praktikum* [Ethnopsychology: practicum], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Stefanenko, T.G. (2014), *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Swartz, L. and Rohleder, P. (2017), "Cultural Psychology", in Willig, C. and StaintonRogers, W. (ed.), *The Sage handbook of qualitative research in psychology*, Sage, London, UK, pp. 561–571.

Tatarko, A.N. and Lebedeva, N.M. (2011), *Metody etnicheskoj i krosskul'turnoj psihologii* [Methods of ethnic and crosscultural psychology], NIU-VSHE, Moscow, Russia, 260 p.

Shlyagina, E.I. and Enikolopov, S.N. (2011), "Research of ethnic tolerance personality", *National psychological journal*, no. 2 (6), pp. 80-89.

Shpet, G. (1989), *Sochinenija* [Essays], Pravda, Moscow, Russia.

Willig, C. (2013), *Introducing qualitative research in psychology*, Open University Press, Maidenhead, UK.

Wulf, K. (2008), *Antropologija: istorija, kul'tura, filosofija* [Anthropology: history, culture, philosophy], SPbGU, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Дмитрий А. Хорошилов, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; d.khoroshilov@gmail.com

Елена П. Белинская, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; elena_belinskaya@list.ru

Валерия В. Лянгузова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11; v.v.lyanguzova@gmail.com

Information about the authors

Dmitry A. Khoroshilov, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *d.khoroshilov@gmail.com*

Elena P. Belinskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *elena_belinskaya@list.ru*

Valeriia V. Lianguzova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009; *v.v.lianguzova@gmail.com*